



Курд ЛАССВИЦ

Фантастический рассказ

— Дядюшка Вендель, дядюшка Вендель! Взгляни-ка на этот мыльный пузырь, какой он большой! И какие радужные

краски! Откуда они только берутся?

Это кричал мой сын, пускавший из окна в сад мыльные пузыри.

Дядюшка Вендель сидел

рядом со мной в тени высоких деревьев, и наши сигары улучшали чистый и ароматный воздух прекрасного летнего дня.

— Гм! — дядюшка Вендель повернулся ко мне. — Вот и объясни ему! Гм! Любопытно, как это у тебя выйдет. Интерференция красок на тонких пластинках, да? Как же, известное дело. Волны различной длины, периоды не совпадают и так далее? Что, поймет это мальчишка, а?

— Да, — ответил я в некотором смущении, — физического объяснения ребенок, конечно, понять не сможет, да в том и нет необходимости. Объяснение — вещь относительная, все должно соотноситься с точкой зрения спрашивающего; важно одно — поставить новый факт в ряд привычных представлений, связать с привычным ходом мысли... а поскольку формулы математической физики пока не относятся к привычным представлениям моего отпрыска...

— Гм-гм, недурно! — кивнул дядюшка Вендель. — Ты попал почти что в точку. Не можешь объяснить, не можешь связать с привычными представлениями — потому что точек соприкосновения нет никаких. В том-то и дело! Опыт ребенка — совсем иной мир, он создает положения, где обрывается любая связь. И так оно во всем! Знающий должен молчать, учитель должен лгать. Не то его распнут, вышвырнут на помойку или засмеют в газетах — смотря по моде. Микроги! Микроги!

Эти два последних слова дядюшка произнес невнятно,

будто сам для себя. Я бы их не разобрал, если бы слово «микроги» мне не доводилось слышать и прежде. Это последнее его изобретение.

Дядюшка Вендель сделал уже много изобретений. Собственно говоря, он ничем, кроме изобретений, не занимался. Его квартира представляла собой настоящую лабораторию: не то мастерская алхимика, не то современный физический кабинет. Доступ в лабораторию был знаком особой милости со стороны дядюшки. Ибо все свои изобретения он держал в тайне. Лишь изредка, когда мы доверительно беседовали наедине, он чуть-чуть приподнимал таинственную завесу, скрывавшую его изобретения. И тогда я поражался объему его знаний, а еще больше — глубине его проникновения в науку, масштабности методов работы. Но его нельзя было сдвинуть с места, когда доходило до обнародования научных взглядов, а тем более открытий, ибо их, как он говорил, невозможно понять, не разобравшись в его новых теориях. Я сам свидетель того, как он из неорганических веществ искусственным путем получал белок. Когда я умолял его опубликовать это эпохальное открытие, которое, может быть, в состоянии совершить переворот в наших социальных отношениях, он обычно отвечал мне:

— Нет у меня желания потешать людей. Они только посмеются, не поняв ровным счетом ничего. Они еще не созрели для этого, нет точек соприкосновения. Другой мир, другой мир! Надо ждать тысячу лет! Пусть

они спорят, все они равны в своем невежестве!

Сейчас он открыл «микротов». Я еще толком не знаю, вещество это или аппарат, но уже понял, что с их помощью он может уменьшить в любой степени как пространственные, так и временные масштабы. И это уменьшение не просто для зрения, как это можно достичь с помощью оптики, но для всех органов чувств. Изменяется вся их деятельность, так что сужаются все качественные отношения. Он утверждает, что может в миллион, даже в миллиард раз уменьшить любое живое существо, а тем самым — и мир его представлений. Как он это сделает? М-да, тут он снова молча улыбается своим мыслям и бормочет:

— Гм-гм, никто не в состоянии понять... Зачем тогда объяснять? Толку мало. Люди остаются людьми: большие они или маленькие — выше головы им не прыгнуть. Так для чего же спорить?

— А с чего это вдруг ты вспомнил о микрогах сейчас?

— Очень просто, милый мой. Микроги для сегодняшнего ученого мира это все равно что мыльные пузыри для твоего отпрыска. Может быть, игрушка, но такая, которую этот мир не в состоянии понять. А так как ученые не дети и полагают, что в состоянии понять все, вышел бы бесконечный спор, попытайся я выложить им свое учение. Это абсолютно бесполезно, ибо, чтобы понять меня, нужно находиться вне отношений сегодняшнего дня. Они бы только высмеяли меня... гм-гм... а то и в сумасшедший дом упрятали...

— Какая разница! — воскликнул я. — Объявить о новой истине — это обязанность, даже если она несет с собой тяжкую ношу непонимания и презрения. Только на этом пути стали возможны успехи культуры. Ты должен доказать!

Дядюшка хмыкнул:

Курд Лассвитц родился в 1848 году в городе Бреслау. Изучал математику, физику, получил звание доктора наук, был профессором математики в Гейдельбергском университете. Занимался изучением истории естественных наук и философии. Широчайшую известность принес ему двухтомный труд «История атомистики от средних веков до наших дней» (1890 год). Современникам Лассвитц был очень хорошо известен и как беллетрист: он писал философские притчи, современные сказки и рассказы, в которых пытался преподнести читателю последние достижения человеческого ума и науки. Многие из его сказок сегодня с полным правом можно отнести к жанру научной фантастики. Этот жанр вообще был очень близок автору: его научно-фантастический роман «На двух планетах», вышедший в 1897 году, обошел все страны Европы, заинтересовав читателей проблемой этических и моральных отношений при межзвездных контактах. Курд Лассвитц, ученый и писатель, умер в 1910 году.

— Гм-гм, а что, если этих доказательств никто не поймет? Если мы говорим на разных языках? Тогда спор кончится тем, что меньшинство будет раздавлено физически или морально. Нет у меня никакого желания связываться с профанами.

— И тем не менее, — смело возражал я, — будь у меня в руках доказательства, я возвестил бы миру об этой истине.

— Кому — слепым и безъязыким? Ты хотел бы попытаться? Да? Взгляни-ка на эту вещицу.

Дядюшка Вендель достал из кармана маленький аппарат. Я сумел различить несколько стеклянных трубочек в металлической оправе, какие-то винтики и мелко-масштабную шкалу. Он приблизил трубочки к моему носу и принялся подкручивать винтики. Я почувствовал, что вдыхаю незнакомый мне прежде запах.

— Ой, какой он красивый! — воскликнул мой сын, указывая на новый мыльный пузырь, медленно спускающийся к нам с подоконника.

— А теперь ты взгляни на этот мыльный пузырь, — сказал дядюшка Вендель, еще больше подкручивая винтики.

Мне показалось, что пузырь увеличился. Я все время приближался к нему. Окно, с мальчиком в нем, стол, за которым мы сидели, деревья в саду — все удалялось, теряя отчетливые очертания. Один дядюшка Вендель оставался рядом; свои трубочки он спрятал в карман. Сейчас окружавшая нас прежде среда исчезла. Матово-белый, гигантский коло-

кол неба высился над нами, теряясь у самого горизонта. Мы стояли на зеркальной поверхности широкого замерзшего озера. Лед был гладкий, без трещин; и все-таки казалось, будто в нем что-то тихо, едва заметно бурлит. Неразличимые для глаза фигуры поднимались то тут, то там над его поверхностью.

— Что здесь происходит? — вскричал я испуганно. — Где мы? Лед выдержит нас?

— Мы на мыльном пузыре, — хладнокровно ответил дядюшка. — То, что ты принял за лед, — поверхность прочной водяной пленки, образующей пузырь. Известно ли тебе, насколько прочен слой, на котором мы стоим? По человеческим масштабам: пятьсот таких пленок, положенных одна на другую, дадут пленку толщиной в миллиметр.

Я невольно приподнял одну ногу, словно это могло уменьшить мой вес.

— Ради всего святого! — воскликнул я. — Что за легкомысленные игры! Ты мне правду сказал?

— Можешь не сомневаться. Но бояться тебе нечего. Для твоих теперешних размеров эта пленка по прочности не уступает стальной плите толщиной в двести метров. Видишь ли, с помощью микрогов мы стали меньше — во всех отношениях — в сто миллионов раз. И выходит, что этот мыльный пузырь объемом в сорок сантиметров для нас сейчас величиной с нашу Землю.

— А сами мы какого роста? — поинтересовался я с сомнением в голосе.



— Так примерно в шестьдесят тысяч раз «ниже» миллиметра. Нас в самый мощный микроскоп не различишь.

— Но почему же мы не видим ни дома, ни сада, самой земли, наконец?

— Все оптические отноше-

ния так изменились из-за нашего уменьшения, что, хотя мы абсолютно четко различаем все вокруг, от нашего прежнего мира, физические основы которого в сто миллионов раз больше, мы совершенно оторваны. Ты должен удовлетвориться

тем, что ты увидишь на мыльном пузыре, этого будет предостаточно.

— Мне только удивительно, — перебил я его, — что мы вообще что-то видим, что в изменившихся условиях наши органы чувств не изменились. Ведь мы же сейчас меньше, чем длина световой волны; молекулы и атомы должны воздействовать на нас по-иному.

— Гм! — дядюшка Вендель рассмеялся. — Что вообще такое волны света и атомы? Это условные масштабы, которые одни люди считали для других. А мы вот уменьшились, и вместе с нами уменьшились все масштабы. Но какое отношение это имеет к восприятию? Восприятие первично, как данное; свет, звук, давление остаются для нас неизменными, ибо это качества. Только эти качества изменяющиеся, и, пожелай мы произвести здесь физические измерения, обнаружилось бы, что световые волны в сто миллионов раз короче.

Тем временем мы продвигались вперед по поверхности пузыря, пока не добрались до места, где прозрачные лучи фонтанировали вокруг нас, когда меня неожиданно пронзила мысль, от которой у меня кровь в жилах остановилась. А что, если пузырь сейчас лопнет? Если взрывом меня бросит на одну водяную пылинку, а дядюшку Венделя с его микрогами — на другую! Тогда никому меня не найти!

— Поторопись, Вендель, поторопись! — крикнул я. — Верни нам наши человеческие размеры! Ведь пузырь должен вот-вот лопнуть!

Счастье еще, что этого не случилось! Как долго мы уже здесь?

— Не беспокойся, — ответил Вендель невозмутимо, — пузырь проживет гораздо дольше, чем мы на нем пробудем. Все временные понятия для нас уменьшились вместе с нами, и то, что ты считаешь минутой в пузыре, — на Земле всего лишь одна стомиллионная часть минуты. И если пузырь продержится в воздухе всего десять земных секунд, то для нашей нынешней конституции это срок целой человеческой жизни. А вот обитатели мыльного пузыря живут в сто тысяч раз быстрее, чем сейчас мы.

— Что-что? Не хочешь ли ты сказать, что на мыльном пузыре есть живые существа, помимо нас?

— Конечно, есть, и притом весьма высокоразвитые. Только время у них течет примерно в десять миллиардов раз скорее, чем на Земле, то есть они воспринимают все и живут во столько же раз быстрее. Это значит, что три земные секунды равняются миллиону лет на мыльном пузыре, хотя у его обитателей и нет года в нашем понимании, потому что их мыльный шар не имеет постоянного и достаточно быстрого вращения. А если ты представишь себе, что этот мыльный пузырь, на котором мы находимся, возник не менее шести секунд назад, то ты согласишься, что за эти два миллиона лет здесь могла образоваться совсем недурная жизнь и соответствующая цивилизация.

По крайней мере, это говорит мне мой опыт пребы-

вания на других мыльных пузырях, не отрицавших семейного сходства с матушкой-Землей.

— Но где они, эти жители? Я, допустим, вижу какие-то предметы, напоминающие растения, а эти купола-полушария могут оказаться городом. Но никаких человекоподобных я обнаружить не смог.

— Совершенно естественно. Наша способность к восприятию, пусть и в сто миллионов раз большая, чем у людей, все-таки еще в сотни тысяч раз меньше, чем у сапоницев — назовем так обитателей пузыря. Одна прожитая для нас сейчас секунда — двое суток для них. В таком же отношении движется вперед и вся их жизнь. Ты только обрати внимание на эти растения.

— Все верно, — согласился я. — Я отчетливо вижу, как деревья — а эти кораллоподобные образования и есть, наверное, деревья, — на наших глазах растут, цветут и плодоносят. А вон там здание как бы растет само по себе.

— Нет, это его строят сапоницы. За ту минуту, что мы наблюдаем, они успешно проработали два месяца. Рабочих мы не видим, ибо их движения неуловимы для нашего зрения. Но давайте-ка изменим это. С помощью микрогов мы уменьшим остроту своих органов чувств еще в сто тысяч раз. На, вдохни-ка. Роста мы останемся того же, я только передвинул движок на шкале времени.

Дядюшка Вендель опять поднес ко мне стеклянные трубочки. Я вдохнул и сразу же оказался в городе, окру-

женный многочисленными, чем-то очень занятыми существами, внешне очень напоминающими людей. Правда, все они показались мне как будто прозрачными, что скорее всего связано с их происхождением — ведь они из мыла и глицерина. Мы различали отдельные голоса, хотя, не зная языка, понять я ничего не мог. Растения потеряли невероятную скорость роста, мы жили и чувствовали сейчас так же, как и сапоницы.

Обитатели мыльного пузыря тоже заметили нас, окружили и забросали вопросами, явно выдававшими их любознательность.

Понимали мы друг друга с трудом, потому что их конечности, имевшие некоторое сходство с конечностями полипов, производили движения столь странные, что язык жестов был невозможен.

Тем не менее приняли они нас вполне дружелюбно: как выяснилось позднее, они приняли нас за обитателей противоположной части планеты, где им бывать еще не доводилось. Пища, которую они нам предлагали, имела несомненный щелочной привкус и не особенно понравилась нам; со временем, однако, мы привыкли к ней, и только одно было очень неприятно: здесь не было никаких напитков, одни кашцеобразные супы. Вообще на этой планете все было тягучим и студенистым...

Сами же сапоницы — действительно разумные существа. Наблюдая за тем, как они принимают пищу, как дышат, двигаются, отдыхают, то есть удовлетворяют потребности всех жи-



Рис. В. ВАКИДИНА

вых существ, мы получили и первые представления об их языке.

Поскольку мы были тут окружены всеобщей заботой, а Вендель заверил меня, что дома нашего отсутствия никто не заметит, я с радостью воспользовался возможностью познакомиться с этим новым миром поближе. Чередования дня и ночи они не знали, но в работе следо-

вали регулярные перерывы, примерно соответствующие нашему делению суток. Мы трудолюбиво изучали сапонийский язык, не упуская возможностей поближе познакомиться с социальным устройством сапонийцев и с их научными учреждениями.

С этой целью мы проделали путешествие в столицу, где были представлены гла-

ве государства, носившему звание «повелителя мыслящих». Дело в том, что сами сапонийцы называют себя «мыслящими» (и с полным правом, надо заметить); забота о науке у них на одном из первых мест, и в дискуссиях учёных принимает живейшее участие вся нация. Нам вскоре предстояло убедиться в этом на опыте, который едва не закончился для нас печально.

Мы прожили среди сапонийцев примерно два года, когда противоречия между двумя широко распространёнными научными взглядами особенно обострились. Представления старой школы об устройстве их мира подверглись энергичным нападкам со стороны выдающегося естествоиспытателя по имени Глагли, которого живо поддерживали все молодые прогрессисты. А посему, как это здесь принято, Глагли должен был предстать перед судом «Академии мыслящих», чтобы решить, терпимы ли его идеи и открытия с точки зрения интересов государства и законности. Противники Глагли настаивали на том, что новое учение противоречит старым и неприкосновенным законам «мыслящих». Они требовали поэтому, чтобы Глагли либо отказался от своего учения, либо был подвергнут наказанию, полагающемуся за лжеучения. Главным образом они сочли вредоносными и ложными три момента в учении Глагли.

Во-первых, планета внутри пуста, наполнена воздухом, а кора ее не более трехсот локтей толщиной. Против этого они возражали

так: будь поверхность, по которой передвигаются «мыслящие», такой толщины и находись она над пустотой, они давно бы уже провалились. А между тем в книге величайшего из древних мыслителей Эмзо (так звали сапонийского Аристотеля) написано: «Планета должна быть плотной и не даст трещин во веки веков».

Во-вторых, Глагли утверждает: мир состоит из двух основных элементов — жира и щелочи, которые являются единственными элементами вообще и существуют вечно; мир сформировался из них механическим путем, а следовательно, не может быть ни другого пути, ни тел, не состоящих из жира и щелочей. Ему возражали: не только жир и щелочь, но и глицерин и вода являются элементами; они ни в каком случае не могли сами по себе приобрести форму шара; тем более что в древнейшей летописи «мыслящих» сказано: «Мир возник посредством выдувания изо рта великана, имя которому — Ридипуди».

В-третьих, Глагли учил: «Этот мир — не единственный из миров. Имеется бесконечное количество иных миров, каждый из которых является пустым шаром из жира и щелочей, свободно парящих в воздухе. На них тоже живут мыслящие существа». Этот тезис был сочтен не только ошибочным, но и угрожающим устоям государства. Ему возражали следующим образом: «Существуй иные, неведомые нам миры, они находились бы под властью «повелителя мыслящих». А между тем в конституции записано:

«Если кто-нибудь заявит, будто есть нечто не подчиняющееся «повелителю мыслящих», того следует кипятить в глицерине, пока он не размягчится».

На собрании поднялся Глагли; защищаясь, он особенно упирал на тот факт, что учение о плотности мира противоречит тому, что его «кто-то выдул». Он вопрошал: где же стоял этот великан Ридипуди, если нет никаких других миров? Академики старой школы, несмотря на всю свою ученость, не смогли опровергнуть этого тезиса, а Глагли отстоял первые два пункта, подвергшиеся критике.

Но третий — третий навлек на него подозрения. Политическая одиозность его была настолько очевидна, что даже друзья Глагли не осмеливались вступить за него, ибо утверждение, будто возможно существование иных миров, рассматривалось как антигосударственное и антинациональное. А так как Глагли отнюдь не желал отказываться от своих положений, то большинство членов академии высказывалось против него, и злейшие враги Глагли уже принялись подтаскивать котел с глицерином, чтобы покипятить его, пока он не размягчится.

Слушая все эти беспочвенные выступления «за» и «против» и будучи убежден, что нахожусь на поверхности мыльного пузыря, который пущен моим сыном в сад секунд шесть назад при помощи соломинки, я понял, что в споре, где обе стороны отстаивают неверные позиции, это может стоить жизни существу честному и ду-

мающему. Как-никак «размягчение» у сапониюцев представляет опасность для жизни — я не смог более сдерживаться, вскочил с места и попросил слова.

— Не делай глупостей, — прошептал Вендель, пробившись ко мне. — Договорись до беды! Все равно им не понять. Вот увидишь! Умолкни!

Но, не послушавшись его, я начал:

— Уважаемые господа «мыслящие»! Позвольте мне сделать несколько замечаний, поскольку я действительно в состоянии дать некоторые сведения о происхождении вашего мира.

Немедленно все недовольно возроптали: «Что-что? Как? «Вашего» мира? А у вас что — другой? Слушайте, слушайте! Это варвар, это дикарь! Ему, видите, известно, как возникло мирозданье!»

— Как возникло мирозданье, — подхватил я последние слова, возвысив голос, — не может знать никто, ни я, ни вы. Ибо вы, «мыслящие», подобно нам обоим, всего лишь мельчайшие песчинки бесконечного духа, заключенного в бесконечном количестве образов. Но как возник исчезающий кусочек мира, где мы находимся, я могу вам сказать! Ваш мир действительно внутри наполнен воздухом, и поверхность его не толще, чем утверждает господин Глагли. Как ни прискорбно, однажды он лопнет, но до этого пройдут еще миллионы лет. (Громкие крики «браво» со скамеек глаглиюцев.) Верно и то, что существует еще множество обитаемых ми-

ров, только это не пустые внутри шары, а в миллионы раз большие по объему сплошные массы, где живут существа, подобные мне. А жир и щелочь не только не единственные элементы, но и вообще не элементы, это сложные вещества, которые лишь волей случая играют столь избранную роль в вашем мыльнопузырном мире.

— Мыльнопузырный мир? — буря недовольства со всех сторон.

— Да, — крикнул я мужественно, не обращая внимания на щипки и толчки Венделя, — да, ваш мир не что иное, как мыльный пузырь, который мой сын выдул при помощи соломинки, и этот мир может быть раздавлен пальцем ребенка нашей планеты в любую секунду... И разумеется, по сравнению с вашим миром мой сын — великан...

— Неслыханно! Он — пузырем! Безумец! — Крики становились все враждебнее, и вот уже чернильницы полетели в мою голову. — Он спятил! Наш мир — мыльный пузырь?! Наш мир выдул его сын?! Он выдает себя за отца творца мироздания! Забросаем его камнями, размягчим его!

— В истине — правда! — кричал я. — Обе партии ошибаются. Мой сын не создавал ваш мир, он только выдул этот шар, и это соотносится с законами, которые выше нас всех. Он ничего о вас не знает, и вы ничего не можете знать

о нашем мире. Я человек, я в сто миллионов раз больше вас и в десять миллиардов раз старше. Освободите Глагли! Почему вы спорите о том, чего не в состоянии решить?

— Долой Глагли! Долой человека! Поглядим, в состоянии ли ты раздавить нашу планету мизинцем! Позови-ка на помощь своего сыночка! — бушевали все, в то время как нас с Глагли тащили к чану с кипящим глицерином. Жар из чана уже опалил мое лицо. Тщетно пытался я сопротивляться.

— Окунем его! — требовала толпа. — Посмотрим, кто скорее лопнет!

Горячие пары окутали меня, жгучая боль пронзила все тело и...

Я сижу рядом с Венделем за столиком в саду. Мыльный пузырь все еще плывет над нами.

— Что это было? — спросил я пораженно.

— Одна стотысячная доля секунды! На Земле ничто не изменилось. Я вовремя успел передвинуть шкалу, не то они растопили бы тебя. В глицерине. Может, мне все-таки опубликовать статью об открытии микрогов? Как ты считаешь? Может, думаешь, что они нам поверят? Поди объясни им!

Вендель засмеялся, и мыльный пузырь лопнул.

А мой сынок пустил в сад новый.

Перевел с немецкого
Евг. ФАКТОРОВИЧ